

Аннотация.

Эта статья – о творчестве сибирского художника и писателя Валерия Кондакова, живущего на берегах Байкала. В поисках собственной идентичности он обратился к стилю неоархаики, подчеркивая важность этнокультурного наследия. И все же для художника региональная/территориальная идентичность и свобода творчества важнее, чем этничность как таковая.

Ключевые слова.

Художественное и литературное творчество, сибирская неоархаика, город, этническая и территориальная идентичность, сибиряк, Ewí Enk, Валерий Кондаков

Abstract.

This article is about activity of Valery Kondakov, Siberian artist and writer, who lives on the shore of Lake Baikal. In search for his own identity he uses the Neo-Archaic style, while emphasizing the importance of ethno-cultural heritage. However, the regional/territorial identity and freedom are more important for the artist than simple ethnicity.

Keywords.

Artistic and literary activity; Siberian Neo-Archaic style; city; ethnic and territorial identity, Siberian; Ewí Enk; Valery Kondakov

Художник в городе: Валерий Кондаков

текст

Анна Сирина

фото из личного
архива

В.П. Кондакова

Сибирский художник Валерий Кондаков живет и работает в Нижнеангарске, что на севере Республики Бурятия. Высшее художественное образование получил во Владивостоке, а затем много странствовал по Советскому Союзу в поисках себя и своего собственного художественного стиля. Кондаков – член Красноярского отделения Союза художников России. Его первая персональная выставка состоялась в июле 2007 года в Красноярске. Одна из работ – «Идущие по тайге» (2005) – экспонировалась в Русском музее в Санкт-Петербурге.

Фамилия Кондаков по архивным документам известна на севере и северо-востоке Байкала с XVIII века, среди ее носителей были и эвенки (тунгусы) и русские [1]. Выросший в смешанной этносоциальной среде, Валерий Кондаков с детства говорит по-русски. Казалось бы, как городской и образованный человек, он мог не думать о своей далекой и неясной этничности. Однако, осев в конце концов на родине, он взял творческий псевдоним Ewí Enk и обратился к эвенкийской теме. Оказалось, что это направление его творчества созвучно опыту других сибирских художников, пишущих в стиле неоархаики.

Поиск региональной идентичности в конце XIX – начале XX века и сегодня имеют, при всем их отличии, черты сходства, которые заключаются в обостренном внимании к народам и культурам Сибири. Художественное направление неоархаики, сформировавшееся в сибирском искусстве конца XX – начала XXI века, основано на обращении художников к археологическому наследию, к мифу и этническим корням культур народов Сибири [2]. Обширная исследовательская и выставочная практика во многих сибирских городах, особенно в Новокузнецке, Красноярске, Томске, Ханты-Мансийске, Новосибирске, Иркутске, Улан-Удэ, тематические выставки «Алтын-Чер Саяно-Алтая» (Новокузнецк, 2000–2001), международный выставочный проект «Внутренняя Азия» (Новосибирск, Бишкек, Ханты-Мансийск, 2000–2004), международный выставочный проект «След» (1999–2006), а также ретроспективная выставка «Сибирский миф» (Омск, 2005) и др. [3].

Визуальные приемы сибирской неоархаики частично совпадают с европейской школой постмодернизма.

Суть этого направления в исследовании, самопознании, постижении скрытого смысла. Искусствоведы выделяют в сибирской неоархаике несколько направлений. Одно из них – этноархаика, где особо важны образы этнических культур. В любом случае художник, апеллируя к архео- или этно-действительности или мифу, хочет уйти от шаблона, выразить свое отношение к современным проблемам бытия, подчеркнуть ценность традиций.

Эвенкийская, или этническая, тема в творчестве Валерия Кондакова лишь одна из многих. Уже наработанное художником выстраивается в серии: пейзажи; натюрморты; графика, иллюстрирующая изречения мудрых; серии «Шарики» и «Рыбы» – философско-ироничная интерпретация современной действительности. Однако именно эвенкийская тематика, на мой взгляд, позволила наиболее полно реализовать творческие замыслы художника и достичь максимума самовыражения. Она стала для Валерия Кондакова своего рода *carte blanche*, которая позволяет говорить о современных проблемах общества, высказывать свою точку зрения на современный мир и идущие в нем процессы быстрых культурных изменений и глобализации, используя при этом традиционные образы, символику, цвета, присущие эвенкийской культуре, но в переосмысленном, переработанном виде.

То, как описывает Кондаков свое обращение к эвенкийской теме и к корням, похоже на становление шаманов в эвенкийской культуре. «Я скептически отношусь к мистике, но вот, однако же, какая оказия приключилась лет 20 назад... Что-то сорвало вдруг и повело меня холодной осенью в тайгу якобы за грибами. Кожей ощущал я, что должно произойти что-то важное. Шел долго, путаясь в мыслях, не замечая, куда... Остановился, когда какое-то неестественное напряжение придавило меня к земле. Я увидел могучие белые корни, которые, изгибаясь, обвивали каменистую поверхность горной поляны. «Куда это я пришел?» – смутно пронеслось в голове. И явно ощутил, нежели услышал: «Нет, ошибаешься, это я тебя привел, я тебя выбрал, я тебя подготовил!» Я поднял взгляд и увидел над собой огромное сухое вековое дерево, с веток которого свисали выгоревшие и полуистлевшие от времени обрывки тканей... Чувство безотчетной

Фрагмент гобелена

Валерий Кондаков. 2007

A Painter in the City: Valery Kondakov

тревоги и глубочайшего почтения испытал я в этот момент. «А теперь иди и помни – прогрохотало в сердце – у каждой тропы должны быть свои приметы, забывший их блуждать будет. Особенно на тех тропах, которые ведут к истине...». Много дней спустя Святое Дерево явилось ко мне во сне. Я увидел на нем лица упокоившихся предков моих. «Вот они, корни твои, – сказала мне Святое дерево – не забыл?» [4].

Валерий Кондаков считает, что его роднят с эвенками не только некоторые особенности характера, но и нечто внутреннее, что невозможно объяснить обычным путем: «Мне нравится, что мои предки не придумывали календаря. Я до сих пор путаю числа. Если бы мне не подсказывали, сколько мне лет, я бы этого не знал. Это генетически во мне заложено. Я не могу запомнить вот эти дурацкие, совершенно пустые даты. Они мне ни к чему. Но когда мне скажут: было хорошее лето. А! Хорошее лето было, действительно, хорошее. <...> Главное, что было добро. Вот это самое главное» [5].

Живописные и скульптурные произведения, гобелены хорошо узнаются как имеющие эвенкийские корни. Характерны их названия: «Манги», «Родовое дерево», «Старый кумалан», «Энекан Буга», «Шаман» и др. Валерий Кондаков отходит от реалий этнической культуры, возможно, не знает их в деталях, однако самостоятельно и свободно создает и интерпретирует мифы. При этом, по его убеждению, не удаляется, а каким-то непостижимым образом приближается к реальности. Впоследствии художник посчитал благом для себя, что он ушел от выставок-продаж и, не оглядываясь ни на кого, творит «свое». Особенно хороши гобелены. Их колорит насыщенный и теплый, близкий к естественным краскам природы тайги. Цвета – зеленый, красный, желтый, охра, черный, белый – характерны для эвенкийской культуры. На холсте под названием «Горная поляна, зазеленевшая весной» танцуют то ли зеленые духи травы, то ли сама трава. «Ведь не будут же духи танцевать в луже какой-нибудь в Нижнеангарске», – объясняет художник. Духи празднуют возрождение жизни, трава – живая и все имеет души и все связано со всем, человек не отделен от природы». На полотне «Энекан Буга – хранительница

душ», выполненном в смешанной технике, изображен эвенкийский верховный дух, чей образ не имеет ничего общего с теми изображениями, которые нам известны из немногочисленных зарисовок этнографов. Художник говорит, что знает об «энекан буга» от бабушки, а не из книг. Этот образ – продукт его творческой фантазии и вдохновения.

Творческая интуиция, основанная на высоком профессионализме, осмысливается им как помощь духов и предков. Художник настаивает, что со своими духами он может спорить, шутить, иронизировать, т.е. выстраивать двустороннюю, обоюдную связь, диалог. «Верите вы или не верите – это мистика. Потому что нет даже углем прорисованной композиции. Я просто к пустому холсту подошел и начинаю шить. Кропотливо изо дня в день в течение полугода. Надеюсь, моей рукой кто-то ведет».

Помимо живописного, Валерий Кондаков пробует себя в писательском и поэтическом творчестве. Всеми доступными ему средствами художник ищет ответы на вопросы: кто я в современном мире и что собой представляет и куда идет этот мир? При ответе на оба вопроса им активно привлекается тема этничности. В поэме «Шаман» используется форма диалога предка-шамана и его потомка-художника, которого волнуют животрепещущие проблемы современности. «Прапрадед мой когда-то был шаманом. / Я часто вижу – он ко мне приходит», – признается Кондаков, но мифический он или реальный, и сам художник затрудняется ответить. Одобрение шамана много значит для Кондакова, как бы освящая его творчество: «Но нам нужны, нужны твои картины: / В них голос предков слышится заветный».

В различных метафорах, которые связаны с традиционным эвенкийским восприятием мира, выражено отношение к истории, к проблеме сохранения культуры, принадлежности к месту, о которой так много пишут в последнее время, и в основе которого лежит чувство родины. В поэтическом творчестве художника особенно хорошо прослеживается культурная традиция, выражающаяся в образах, которые узнаются именно как эвенкийские. Так, мир многослоен, насчитывает до семи сфер. Небесный свод, «зазеленевший поляной горной по

text
Anna Sirina

photos from
V.P. Kondakov's personal archives

Гобелен «Идущие по тайге»

«Древний Кумалан»

весне», представляется в виде дырявой оленьей шкуры. В.П. Кондаков использует в поэме образы души-судьбы, нити жизни, верхнего и нижнего миров. В поэме появляется и образ Солнца-Бога, которое дает тепло, свет и жизнь всему на земле: «Там Солнце-Бог и на его скуле / Есть свежий шрам от пули неизвестной». В контексте этого понятнее становится скульптура «Стражник Белого солнца», выполненная в необычной технике из гипса, медной проволоки, конского волоса: дорогие для тебя вещи, идеалы и высшие ценности необходимо защищать. Родник и колчан со стрелами символизируют народную мудрость и заветы предков. Он неоднократно затрагивает тему закона тайги, которому «тыща лет, другого нет, не будет никакого». Необходимо почтительно относиться к богам, к старикам, к добытому зверю. В тайге находятся места и памятники особой силы – Родовое дерево, Святой камень. В природе все живое, и творческий человек стремится разобраться в ее явлениях, постичь их глубинный смысл:

Горячий ключ из-под земли пробился,
Его дыхание обжигает, лечит тело.
Зачем и для чего он к нам явился
Так дерзко, непонятно и так смело?
С какою вестью в этот край суровый
И что несет божественный источник?

Проблема выбора правильного пути, уважения к прошлому, уверенности в том, что оно имеет огромное значение в жизни, образно показано с применением эвенкийских способов ориентировки на местности: «Запомни: чтоб с тропы свернуть / Зарубки ставь, откуда ты идешь».

Отвечая на другой вопрос: что есть современный мир, поэт-художник обличает свойственные этому миру пороки, якобы с точки зрения эвенкийского мировосприятия. Сомнению или критике подвергаются некоторые современные ценности, при этом эвенкийская культура и само прошлое в определенной степени идеализируется: эвенки «не знали лжи, предательства и склок», «здесь нет врагов, здесь всякий – друг», они никогда не воевали

за землю и т.п., что, разумеется, далеко от действительности. И все же этим приемом Валерий Кондаков достигает главного: обращает внимание на перекосы глобализованного мира, ложность и опасность «ценностей» консьюмеризма.

Художник критикует начальный и современный периоды колонизации, сопоставляя их, причем современность не выигрывает по сравнению с прошлым. И тогда, и сейчас льется «огненная вода», «безо всякой меры» ловят рыбу. Среди пороков современного общества и человека упоминаются стремление к богатству и роскоши, раболепие, лесть, пресмыкательство перед сильными мира сего, отсутствие сострадания, злоба, гордыня.

Высказывая свои глубинные переживания в ироничной форме, Кондаков придумал серию историй об эвенках Иричейке и Иткэхе. Вот одна из них.

«Посадил Иткэх весной возле чума картошку, а осенью, как все, начал копать. Вдруг, видит в земле огромный слиток золота лежит: величиной с большую картошку. Побегал он к Иричейке, показывает тому. А Иричейка говорит: вона, у меня ограду возле чума сложил я из этих камней.

А в это время как раз проезжал с казаками царский генерал по этим местам. Как увидел он это золото, так сразу же проникся преогромнейшим уважением к Иткэху с Иричейкой. Задает им вопрос: дескать, нуждаетесь ли вы, брат Иткэх и брат Иричейка, в золоте?

– Дак нет, однако, – отвечают они, – че с ним делать-то?

– Прекрасно, братья! Молодцы, – хвалит их генерал, – а вот царь-батюшка наш очень и очень даже нуждается! Отправим мы ему эту радость? – спрашивает он, показывая на золото.

– Конечно...

– А вот только как назовем мы эту акцию? Покрасивше надо как-то... – просит генерал Иткэха с Иричейкой.

Генерал с казаками подсказывают им, мол, вроде красного или зеленого потока и назвать. Даже кто-то подсказал – голубого, мол. Тогда генерал очень серьезно говорит:

– Ну что ж, братцы Иткэх и Иричейка, вам дозволено придумать название этой акции!

«Дзелинда»

«Хранитель»

Иричейка – он же находчивый тунгус. Он и придумал. – А че, если, – говорит, – так и назовем: золотой поток? Все очень обрадовались. Всем стало хорошо и весело. С тех пор золотой поток к царю так и течет. Так и течет...» [6].

На вопрос переписи 2010 года о национальной принадлежности Валерий Кондаков ответил: «сибиряк». Для художника изначально региональная / территориальная идентичность и свобода творчества важнее, чем этничность как таковая. Исследования показывают, что идентичность «сибиряк» – это не национальная, а региональная протестная идентичность, вызванная отношением Центра и периферии [7]. Мобилизация эвенкийской идентичности произошла у художника осознанно и с целью подчеркнуть свое расхождение с общим руслом современного развития, желанием обратить внимание на те жизненные ценности, которые сегодня не в чести, заброшены, забыты, и приписать эти ценности как изначально присущие эвенкам, с целью опереться на них, в том числе в своем творчестве.

В условиях глобализации, новых скрытых форм колониализма, интенсификации внешних миграций в Сибирь сибиряки стали более внимательны к себе и своему прошлому. И художники, как наиболее тонко видящие и чувствующие люди, одними из первых откликнулись на запросы времени, осознав важность родины, земли, этничности, истории и культуры.

Список литературы

1. Болонев Ф. Ф. Новые материалы о святом православном крещении бурят и эвенков Забайкалья в XIX в. // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Вып. 2. – Новосибирск, 2004.
2. Кичигина А. Г. Искусство неолархаики в контексте современной региональной культуры. – Новосибирск, 2011.
3. Сибирский миф. Голоса территорий: образы и символы архаических культур в современном творчестве: Омск, Барнаул, Горно-Алтайск, Новосибирск, Тюмень: живопись – графика – скульптура – декоративно-прикладное искусство – объект – инсталляция – медиа-арт:

- альбом-кат. / ООМИИ имени М. А. Врубеля / под ред. А. Н. Гуменюк. – Омск: НП Творческая студия Экипаж, 2005.
4. Полевые материалы автора, 2007.
  5. Полевые материалы автора, 2011.
  6. Кондаков В. П. Шаманий ягель. – Красноярск, 2013.
  7. Сирина А. А., Фондак Г. Призрак нефтепровода на севере Байкала // Этнографическое обозрение – 2008. – №2; Анисимова А., Ечевская О. Сибирская идентичность как политическое высказывание // Pro e contra. – 2012. – Май – июнь. – С. 62–75.

«Шаман Олень»

